

➤ ИЗ ПОЧТЫ «ММ»

Добрая газета

ЖЕЛАЮ редакции «ММ» творческих успехов, благополучия и процветания, популярности газете на долгие годы.

Так оно и будет, пока в ней работают такие внимательные и щедрые люди. Это не просто красивые слова – я убедилась в этом, когда обратилась с просьбой выписать мне газету, к которой я привыкла и которая приносит мне столько радости в течение долгих лет. Во-первых, я слежу за работой моего любимого комбината, во-вторых – за спортивными успехами, в том числе и родных мне людей. Мой сын Валерий Шаров – мотогонщик, шестикратный чемпион России, в январе ему исполнилось 60 лет. Внук Антон – тоже мастер спорта и чемпион России. В их арсенале я насчитала 32 кубка и еще больше медалей.

Низкий вам поклон за то, что нашли возможность подписать меня на газету и дали возможность жить полноценной жизнью. Получив первый номер, я от радости не удержалась от слез. Спасибо за внимание к пожилым, ведь в марте мне исполнится 85 лет.

ЕВДОКИЯ ПАНОВА

Посмеялись – и к трубе

➤ Тирольская шляпа Чилачавы совещанию не помешала

ШЕСТИДЕСЯТЫЕ. Все готово к замене дымовой трубы тринадцатой мартеновской печи. Старая уже осыпается, вместо нее работает дымовой эксгаузер.

Газы от печи охлаждаются водой и выбрасываются через тридцатиметровую временную трубу. А сталевары тринадцатой плавят сталь в обычном режиме. Остается лишь получить добро на замену трубы от директора комбината Феодосия Воронова.

В кабинете главного сталеплавильщика Дикштейна, где должны были решить этот вопрос, собираются участники ремонта: начальник второго мартеновского Трифонов, начальник цеха ремонта металлургических печей Шунин, начальник ремонтно-строительного цеха Центнер, зам. главного инженера по капитальным работам Чилачава, зам. главного механика Криволапов и другие – человек двенадцать.

Кабинет Дикштейна меблирован по-спартански: небольшой канцелярский стол, сменивший несколько десятков хозяев, впритык к нему длинный черный стол. Между ним и стеной – в один ряд две длинные скамьи, недавно изготовленные и еще не окрашенные, да два стула. Один

никогда не занят – он для хозяина кабинета Дикштейна, на второй садится Чилачава. Чилачава только что из заграничного отпуска – привез из-за бугра тирольскую шляпу с пером. Сейчас она лежала на столе.

Когда я со своим начальником Децурой вошел в кабинет, скамейки только начали заполняться, и мы сели рядом с Шуниным. Было шумно от разговоров и анекдотов. От нечего делать Трифонов надел тирольскую шляпу и, вилля задом, стал изображать Чилачава, гуляющего по тирольским просторам. Трифонов был тучен и невысок, и скетч выглядел уморительно.

В этот момент входят Дикштейн и Воронов. Описывать немую сцену не стоит: каждому случалось видеть такое в школе – в класс входит учитель, а ученики еще дурчатся. Захваченный за несерьезным делом, Трифонов бросил шляпу и заматерился в поисках свободного места: пока он думался, скамейки оказались заняты. К тому же, скамейки заполнялись, как патроны в обиме – только с правой стороны, так так мешал стол.

Из солидарности правый край сидящих чуть ужаслся, Трифонов усадил. Воронов прошеял на председательское место, а Дикштейн, сняв пальто, тоже обнаружил,

что места нет. Чилачава уступил стул хозяину кабинета и, в свою очередь, стал искать место. Теперь уже сидящие на обеих скамьях приподняли пятые точки и сдвинулись на полшага влево, дружно сели.

А скамейка не резиновая: крайнему левому не хватило на ней места, и он упал на пол. Я был третьим от левого края, вторым Децурой, первым – наш начальник Шунин. Пришлось мне сесть на подоконник как самому молодому по возрасту и чину. Благо совещание было коротким. Воронов, с присущей ему лаконичностью, опросил начальников основных цехов-участников, готовы ли они к предстоящему ремонту. Все подтвердили полную готовность. Только начальник теплотехнической лаборатории, по моему, Куликов, сказал, что еще не сняты какие-то характеристики.

– Ясно, – отозвался Воронов. – Дано на это три дня. А после начинайте ломать трубу.

Через три дня трубу начали резать и ломать на куски. Металл и кирпич бросали внутрь нее, внизу они ударялись о трамплин и через проделанное у основания трубы отверстие с грохотом влетали в стоящий думпкар. Но это уже другая история ☺

ВЛАДИСЛАВ ВОРОНКОВ

Время и личность

➤ К 80-летию ученого и публициста Александра Паукина

МЫ ДАВНО уже усвоили истину, что каждое время рождает своих героев. Верно также и то, что время формирует своих личностей, отвечающих его идеалам, критериям, ценностям. Стать личностью, как и героем, во все времена удавалось не каждому.

Магнитогорскому ученому и публицисту Александру Леонтьевичу Паукину, чье восьмидесятилетие земляки будут отмечать в ближайшие дни и с кем мне довелось прошагать по жизни почти сорок лет, человеческое и общественное признание пришло довольно рано. И, надо подчеркнуть, без особых с его стороны к тому устремлений. Он от природы был простым, скромным, хотя в минуты раскованности мог быть искренне веселым и по-мальчишески озорным. Словом, человеком естественным, своим. До юбилея не дождал несколько месяцев, уйдя от нас стойко, спокойно, уступив тяжелому онкологическому недугу.

Родился Александр Леонтьевич в старинном казачьем селе Смеловском, что в Верхнеуральском районе, в двадцати километрах от Магнитогорска, 18 марта 1929 года. Эта дата совпала с днем, когда отмечают возникновение Парижской коммуны. И мы, близкие ему люди, особенно в дни рождения, позволяли себе называть своего друга почетным коммунарком. Да, собственно, и жил-то он всегда по-коммунарски.

Саша осиротел рано. Смышленного вихрастого паренька растили родственники, добрые люди да уличные смеловские сверстники, без которых Александр не мыслил своего существования. Настоящее солнышко над ним возшло тогда, когда поступил в первый класс и за парту к нему посадили светловолосую Поленку Дронову. Началось все с традиционного подергивания за нежные косички девочки, продолжилось галантным ухаживанием за статной девушкой, завершилось счастливым семейным союзом. Вместе рука об руку прошли Полина Федоровна и Александр Леонтьевич шестьдесят лет, воспитав дочку Лилю и внучку – тоже Поленку.

Личная жизнь сложилась вполне романтично, почти как у знатного юноши девятнадцатого века. А вот служебный путь определило само время. Заводские курсы после войны можно приравнять к трудовой академии. Службу в армии на военном аэродроме – к школе мужества. Заочную учебу в металлургическом техникуме и педагогическом институте, более чем тридцатилетнее пребывание в коллективе метизно-металлургического завода – к стартовой площадке и счастливой судьбе. «Завод, название которого пишется через черточку, – как-то признался мне Александр Леонтьевич, – начертал для меня главную жизненную

Его главную жизненную линию начертал завод

линию». На метизно-металлургическом он прошел все этапы общественного становления – от заводского комсорга до заместителя секретаря, а затем и руководителя партийного комитета.

Основательно судьба свела нас в марте 1970 года. Я проработал в отделе пропаганды и агитации обкома КПСС всего несколько месяцев, как к нам заместителем заведующего назначили Александра Паукина. Для многих сотрудников ни имя, ни фамилия его ни о чем не говорили. Да и пришел он в обком не столь традиционно. Трудно было припомнить случаи, чтобы на должность заместителя заведующего отделом обкома был утвержден секретарь парткома предприятия, не прошедший райкомовских и горкомовских ступеней. Неожиданным такое назначение явилось и для самого выдвиженца.

Однако решение руководства было продуманным и закономерным. Определенную роль сыграло одно из заседаний бюро обкома, на котором не без волнения держал отчет секретарь парткома «метизки» Паукин.

Вопрос обсуждался плановый, не чрезвычайный – о методах политико-воспитательной работы в коллективе. Вел заседание первый секретарь Николай Родионов, только что возглавивший обком после большой ответственной работы в Казахстане и Ленинграде. Отчет подходил к концу, выступающий основательно раскрыл систему воспитательной работы в коллективе, показав ее результаты, обозначил проблемы.

– Скажите, Александр Леонтьевич, – обратился секретарь обкома к докладчику, когда тот закончил свое сообщение, – а как вы работаете с трудными семьями, каково у вас собственное видение этой проблемы?

Не сразу прозвучал ответ. С минуту секретарь парткома помолчал, подумал.

– Деликатное это дело – трудные семьи, – как бы размышляя вслух, заговорил он. – Что касается моего мнения, то, конечно, мы не можем ограничиваться лишь выявлением таких семей, важнее устранение причин, их порождающих, – бытовой неустроенности, нехватки жилья, пьянства, моральной распушенности. Но к каждому случаю подходить надо осторожно, не унижая человеческого достоинства.

– Совершенно с вами согласен, дело это не приемлет грубых приемов, – поддержал Александра Леонтьевича секретарь обкома.

Вскоре на секретариате рассматривался кадровый вопрос, в частности, назначение нового руководителя нашего сектора. «Ведь массово-политическая работа, – рассудил Н. Родионов, – совершается не в горкомовских кабинетах, а в бригаде, на участке, в цехе. Может, нам подыскать человека непосредственно с предприятия, хорошо знающего жизнь трудового коллектива?» С ним согласились. И в числе других был назван Александр Леонтьевич.

Сособностями аппаратной работы наш новый заместитель заведующего освоился быстро. Но как человек наблюдательный, скоро понял, что только производственного опыта тут мало. Нужно основательно пополнить теоретические знания, чтобы стать профессионалом в тех направлениях, которые закрепились за сектором. На его рабочем столе, в шкафу, на подоконнике выросли пирамиды книг, сборников статей, толстых и тонких журналов, газетных подшивок. Во время рабочего дня о серьезном чтении нечего было и думать – текущие дела навалились со страшной силой. Со всей этой библио-

текой удавалось оставаться наедине только вечером, когда стихали телефонные звонки и сотрудники расходились по домам. Наш сектор стал настоящим методическим центром создания системы индивидуальной воспитательной работы, политического, экономического и нравственного информирования в трудовых коллективах. Многие его разработки потом легли в основу докторских и кандидатских диссертаций.

Будучи натурой тонкой, Александр Леонтьевич в отношении с людьми был деликатен и мягок. Всякое проявление с чьей-либо стороны грубости, бестактности вызывало в нем мучительную душевную боль. Один из журналистов «Комсомольской правды» назвал его как-то «дамой, прекрасной во всех отношениях». Ничего обидного в таком определении, думаю, нет, и все же журналист явно не рассмотрел у Александра Леонтьевича волевых качеств.

Однажды я был свидетелем неприятной сцены. Довольно высокий обкомовский начальник у себя в кабинете принял отчитывать нашего зав. сектором. Делалось это в непримично развязной манере. Хозяин кабинета восседал за массивным столом с грудой телефонов, нервозно отлекаясь на звонки, потом снова устремлял свой тяжелый взгляд на Паукина, стоявшего перед ним в спокойном молчании. Когда, наконец, наступила пауза, Александр Леонтьевич произнес:

– Знаете, я вам не мальчик. Вы зачем меня пригласили – решать вопрос или читать нотацию? Когда успокоитесь – встретимся снова!

И вышел из кабинета. В аппаратной среде такая реакция была поступком. Знаю примеры, когда для сотрудников даже элементарное непослушание заканчивалось оргвыводом. А тут такая демонстрация характера и собственного достоинства! Но для Александра Леонтьевича все обошлось без последствий. Да и как человек, только что пришедший с завода, он руководствовался, вероятно, известной поговоркой: дальше фронта не пошлет, меньше взвода не дадут.

Был случай, когда и мне он преподол поучительный урок педагогики. Как-то в Магнитогорске мы проводили с ним зональную летучку журналистов. Анализируя местные газеты и найдя в них некоторые упущения, я по молодости позволил себе сказать об этом в несколько повышенном тоне. Закончилось совещание. Когда остались вдвоем, Александр Леонтьевич деликатно подчеркнул полезность состоявшегося разговора и тут же заметил: «Только вот... не идет тебе командный тон. Будь

естественным. Оставляйся таким, каким есть». К такому совету нельзя было не прислушаться...

Двухлетнее пребывание в аппарате обкома не было вершиной профессионального и служебного роста Александра Паукина. Вскоре коммунисты Магнитогорска избрали его секретарем горкома по идеологической работе. Защита кандидатской диссертации в Ленинградском университете открыла возможность на десять лет возглавить кафедру философии горно-металлургического института. Всякий раз, как и прежде, должностное перемещение вызывало огромную потребность в нем, как в специалисте и личности. И только однажды, при состоявшемся уже статусе пенсионера, новое назначение произошло по высочайшему семейному решению. Дочка Лиля подарила старшим Паукиным очаровательную внучку Поленку. Чтобы у крошечного создания всегда было свежее молоко, они на пять лет уехали в село Карагайка, где обзавелись добротным хозяйством. Александр Леонтьевич стал сельским учителем, в очередной раз покорило своим обаянием и человечностью деревенских тружеников, учеников, педагогическую общественность Верхнеуральского района.

У настоящей личности потенциал неисчерпаем. Наступили лихие девяностые, когда, казалось, рухнет все: судьбы, надежды, память. Но смеловский казак седла не покинул. Он садится за рабочий стол и пишет для земляков одну за другой статьи, в которых спешит поделиться думами, соображениями, собственной верой в благополучие. И самые ведущие издания – «Магнитогорский металл», «Магнитогорский рабочий» с благодарностью предоставляют ему свои страницы. Потому что знают: читатели верят такому автору, ждут его откровений.

Публицистическая деятельность Александра Леонтьевича Паукина – еще одно проявление его многогранного таланта, до конца, может быть, не изученное и не оцененное современниками. При невероятном изобилии прагматичных, интригующих и, напротив, ободорящих публикаций в российской прессе, Александр не приходит ни один из авторов, кто бы так глубоко, жертвенно пропущал размышления о политических, социальных, нравственных проблемах через свое сердце, как это делал доцент Паукин. Начав в мае 1998 года с печатного отклика на статью профессора А. Арзамасцева о факторах, формирующих судьбу человека, он на протяжении десяти лет представлял магнитогорским читателям свой исповедальный взгляд на актуальные события государственной, общественной и политической жизни, оставаясь при этом на твердых, земных позициях и поднимаясь до обобщений высочайшего уровня.

В конце августа прошлого года, позвонив мне в Челябинск, Александр Леонтьевич уже слабеющим голосом сообщил, что в «Магнитогорском рабочем» опубликована его очередная статья и что называется она «Вера и боль». Мы договорились: с ближайшей оклазей он пришлет ее мне. Статья, несмотря на грустный заголовок, оказалась преисполненной оптимизма. «Мне приятно сознавать, – говорилось в ней, – что в Магнитогорском государственном техническом университете, в котором я трудился, руководство встало на путь приумножения прошлых традиций на основе научных достижений... Я писал докладную статью с одной целью: чтобы росло число граждан, сознательно верящих и способствующих становлению самостоятельной родной России».

Через месяц, 29 сентября 2008 года, Александра Леонтьевича не стало. Просторный двор жилого квартала с трудом вместил всех, кто пришел проводить его в последний путь. Легендарная Магнитка прощалась с одним из преданных своих сыновей, человеком, ставшим яркой личностью нашего времени ☺

ЛЕОНИД ПОПОВ,
заслуженный работник культуры
Российской Федерации,
кандидат исторических наук

➤ АРХИВ

По завещанию Петра Первого

10 МАРТА страна отметила День архива. В этот день в 1720-м Петр I объявил об «устройстве архивов». Первый государственный архив создали из бумаг Посольского приказа, связанных с внешней политикой.

Такого цельного собрания документов не было ни в одной стране. К началу XIX века архивы при местных учреждениях и министерствах вобрали такую массу документальных материалов, что потребовалось выделить наиболее содержательные. Но на деле произошло массовое уничтожение документов – в стране не было специалистов, способных компетентно судить об их исторической ценности. Лишь в 1877 году в С.-Петербурге открыли первый археологический вуз, а вскоре из его стен вышли дипломированные специалисты архивного дела. В 1907 году в Москве открыт второй археологический институт.

К началу первой мировой войны не имелось единого руководства и мы оказались не готовы к сохранению документов. Многие погибли во время военных действий, эвакуации, оккупации. После февральской буржуазно-демократической революции 1917 года и царская бюрократия, и Временное правительство рвали и уничтожали ценные документы. После Великой Октябрьской революции документы, связанные с первой мировой, также разграбили или вывезли за рубеж.

Советская власть сразу централизовала архивное дело, а в тридцать восьмом руководстве архивными органами было передано в ведение НКВД. Перед архивными работниками поставили задачу «по выявлению и разработке секретных материалов для использования в оперативно-чеккистской работе Управления госбезопасности НКВД». Это означало, что работникам архивов следовало выявлять фамилии «контрреволюционных элементов» и брать их на «карточный учет». Вся документация шла под грифом секретности. Только в шестьдесят первом госархивы вывели из системы МВД в состав органов Советской власти.

Сегодня, как и прежде, основной задачей архивов остается хранение документов – памяток о каждой даже самой скромной странице истории.

ЮЛИЯ СОШИНА,

главный хранитель фондов городского архива

➤ КОРНИ

Магнитогорская гречанка

ГЕЛЯ ТИКИДЖИ унаследовала фамилию от отца-грека. Полное имя ее было Энгельсина, получила она его при «коммунизации» – этим обрядом после революции заменили крещение, по которому она получила первое имя Марианна.

Ее мама Анна Павловна работала учительницей русского языка, отец был инженером, жили безбедно, подкармливали Гелю одним классником из бедной семьи, забегавшую по утрам по дороге в школу. Как-то та как обычно зашла за подружкой, а домработница на улице на сундуке плачет: Геля семья ночью арестовали, семью выселили...

После учебы Геля вместе с мамой работала в школе в самом заброшенном уголке города – Старой Магнитке, куда, кроме как катером, ни на чем не доберешься. Позднее окончила горный институт, потом перебралась с мамой в Мариуполь к родне. Личная жизнь у Энгельсины не сложилась. Жила она письмами, фотографиями, воспоминаниями. Через много лет навестила Магнитку, где у нее никого не осталось. Увиделась с одноклассницами – очень рада была встрече. Сколько таких вокруг: одиноких от сознания сиротства...

АЛЛА КАНЬШИНА

➤ БЛАГОДАРНОСТЬ

Спасибо за встречу

В ХОМЕ Дворца радостное оживление, восклицания и смех: ветераны теплоэлектростанции собрались на ее 55-летие.

Да и как же не радоваться встрече с друзьями и коллегами, с кем рука об руку прошли большой трудовой путь. Многие пришли на ТЭЦ молодыми, нашли друг друга, образовали семьи, вырастили детей, имеют внуков. Стаж у каждого второго – более тридцати лет. Несмотря на пожилой возраст, ветераны жизнерадостны и энергичны. Видно, неслучайно на здании предприятия огромная надпись – «ТЭЦ – энергия жизни». Значит, энергетика и впрямь зарядила этих людей смолоду.

Слова благодарности и добрые пожелания ветераны высказали в адрес начальника цеха Виктора Равнейко, председателя совета ветеранов Рансы Миловановой. Прекрасная встреча была организована благодаря заботе администрации цеха и профсоюзного комитета, возглавляемого Евгением Зинченко.

ТЭЦ ММК всегда была не только энергетическим объектом, но и социальным. Ветеранов здесь встречают с добротой и уважением. Спасибо всем за памятную встречу.

АНАСТАСИЯ ЗАВЧЕНКО,
председатель совета ветеранов энергоцеха

➤ Были времена, когда архивы подчинялись грозному НКВД